

Глава I

В которой Мегрэ приходится заниматься мадам Лоньон, ее болезнями и ее гангстерами

— Разумеется... Разумеется... Да, месье... Конечно... Конечно... Обещаю, что сделаю все от меня зависящее... Да, да... Всего доброго... Что вы говорите?.. Я сказал: всего доброго... Не стоит обижаться... Прощайте, месье...

Мегрэ положил трубку — наверное, в десятый раз, он не считал, — закурил, укоризненно глядя на затяжной холодный дождь, льющий как из ведра, и вновь взялся за перо. Он склонился над рапортом, который начал составлять час назад, но с тех пор успел написать только полстраницы.

Все дело в том, что, едва выведя первое слово, комиссар принялся думать о совершенно посторонних вещах. Он думал о дожде, об этом особенном дожде, предвестнике настоящих зимних холодов, который ловко просачивается вам за воротник, проникает сквозь подметки ботинок, стекает крупными каплями с вашей шляпы. Об этом противном, унылом дожде, от которого непременно схватишь насморк, о дожде, который порождает у людей желание остаться дома и бродить, словно привидения, из угла в угол.

Неужели они звонят только потому, что им вдруг стало скучно? Из восьми-десяти телефонных звонков лишь три можно было считать деловыми. Телефон снова зазвонил. Мегрэ посмотрел на аппарат так, будто собирался разбить его на мелкие кусочки одним ударом кулака, и рявкнул:

— Алло!

— Мадам Лоньон настойчиво требует, чтобы ее соединили именно с вами.

— Мадам кто?..

— Лоньон.

Это уже было похоже на розыгрыш. Мегрэ и так вывели из себя эти бесконечные звонки, а тут еще на другом конце провода комиссар

услышал фамилию того, кого называли инспектором Мальграсьё¹. Это был самый мрачный человек во всей парижской полиции, невезучесть которого стала притчей во языцех. К тому же некоторые утверждали, что у инспектора был дурной глаз.

Однако звонила мадам Лоньон, его жена. Мегрэ видел ее всего один раз, в их квартире на площади Константен-Пекёр, на Монмартре, и с тех пор больше не злился на инспектора. Конечно, он предпочитал не иметь с ним дела, но при этом жалел от чистого сердца.

— Соедините меня... Алло! Мадам Лоньон?

— Простите, что беспокою вас, господин комиссар...

Мадам Лоньон говорила, тщательно произнося каждое слово, как люди, которые пытаются продемонстрировать, что получили безупречное воспитание. Мегрэ запомнил, что это было в четверг, девятнадцатого ноября. Мраморные часы, стоявшие на камине, показывали одиннадцать часов утра.

— Я никогда не позволила бы себе настаивать на личном разговоре с вами, если бы у меня не было на то серьезной причины...

— Слушаю вас, мадам.

— Вы прекрасно знаете нас, моего мужа и меня. Вы знаете...

— Разумеется, мадам.

— Мне совершенно необходимо увидеться с вами, господин комиссар. Происходит нечто ужасное. Я боюсь... Если бы здоровье позволяло, я сама немедленно приехала бы на набережную Орфевр... Но, как вам известно, я уже много лет заточена в своей квартире на шестом этаже.

— Если я правильно понял, вы хотите, чтобы я сам приехал к вам?

— Я прошу вас, месье Мегрэ.

Комиссар едва верил своим ушам. Она говорила вежливо, но твердо.

— Ваш муж дома?

— Он исчез.

— Что? Лоньон исчез? Когда?

— Не знаю. Его нет на службе, и никому не известно, где он сейчас находится. Сегодня утром снова приходили гангстеры.

— Кто?

— Гангстеры. Я вам все расскажу. Тем хуже, если Лоньон рассердится. Мне очень страшно.

¹ Мальграсьё (фр. *malgracieux*) — невежливый, неучтивый, грубый. — Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

— Вы хотите сказать, что к вам ворвались какие-то люди?

— Да.

— Силой?

— Да.

— Вы были в это время дома?

— Да.

— Они что-нибудь взяли?

— Возможно, документы... Я не могу этого проверить...

— Это случилось утром?

— Полчаса назад. Но двое других приходили и позавчера.

— И как отреагировал на это ваш муж?

— С тех пор я его не видела.

— Я сейчас приеду.

Мегрэ до сих пор не верил во всю эту историю. Вернее, не слишком верил. Он задумчиво почесал в затылке, выбрал две трубки, сунул их в карман, затем приоткрыл дверь в кабинет инспекторов...

— В последние дни никто из вас ничего не слышал о Лоньоне?

Эта фамилия всегда вызывала улыбку. Нет. Никто ничего не слышал. Инспектор Лоньон, несмотря на свое огромное желание, работал не на набережной Орфевр, а во втором квартале девятого округа. Его кабинет находился в комиссариате на улице Ларошфуко.

— Если меня будут спрашивать, я вернусь через час. Есть дежурная машина?

Комиссар надел свое теплое пальто, нашел во дворе небольшой полицейский автомобиль и велел шоферу ехать на площадь Констан-тен-Пекёр. На улицах было так же оживленно, как в застекленном здании Северного вокзала. Прохожие стоически не обращали внимания на потоки грязной воды, которыми обливали их ноги мчавшиеся по мостовой автомобили.

Мегрэ добрался до невзрачного здания, построенного лет сто назад и, конечно, не имеющего лифта. Тяжело дыша, он поднялся на шестой этаж. Дверь открылась прежде, чем он успел постучать. Мадам Лоньон с покрасневшими глазами и носом пригласила его войти, прошептав:

— Я так признательна, что вы пришли! Если бы вы знали, как мой несчастный муж восхищается вами!

Это было ложью. Лоньон ненавидел комиссара. Лоньон ненавидел всех тех, кому выпал шанс работать на набережной Орфевр, всех комиссаров, всех, кто был выше его по званию. Он ненавидел пожилых, потому что они были пожилыми, и молодых — за их молодость. Он...

— Садитесь, пожалуйста, господин комиссар.

Мадам Лоньон была маленького роста, щуплая, непричесанная, одетая во фланелевый халат поблекшего сиреневого цвета. У нее были синяки под усталыми глазами, ввалившиеся щеки. Она постоянно прижимала руку к левой стороне груди, как делают люди с больным сердцем.

— Я решила ничего здесь не трогать, чтобы вы сами смогли убедиться...

Квартира была очень маленькой: столовая, гостиная, спальня, кухня и ванная комната. И все было таким крохотным, что мебель мешала раскрывать двери нараспашку. На кровати, свернувшись клубочком, спал черный кот.

Мадам Лоньон провела Мегрэ в столовую: очевидно, гостиной они вообще никогда не пользовались. В ящиках буфета лежало не серебро, а какие-то бумаги, дневники, фотографии. В них явно рылись. На полу валялись письма.

— Полагаю, — сказал Мегрэ, не решаясь закурить трубку, — будет лучше, если вы все расскажете с самого начала. По телефону вы упоминали гангстеров.

Мадам Лоньон поджала губы, а потом сказала со смиренностью человека, привыкшего к страданиям:

— Можете курить вашу трубку.

— Благодарю вас.

— Видите ли, с утра вторника...

— То есть позавчера?

— Да. Всю эту неделю Лоньон дежурил по ночам. Во вторник утром он, как обычно, вернулся домой чуть позже шести часов. Но вместо того чтобы сразу после завтрака лечь спать, он целый час ходил взад и вперед по квартире, так что у меня закружилась голова.

— Его что-то беспокоило?

— Вы же знаете, господин комиссар, какой он добросовестный. Я постоянно ему твержу, что он слишком ответственный, что он вредит своему здоровью, но за это никто не скажет ему спасибо. Прошу прощения, что говорю с вами столь откровенно, но вы должны согласиться со мной, что Лоньона никогда не ценили по достоинству. А ведь он только и думает о своей службе, отдает ей все свои силы!

— Итак, во вторник утром...

— В восемь часов он отправился за покупками. Мне стыдно за то, что я такая беспомощная, если не сказать никчемная, но в этом нет

моей вины. Доктор запрещает мне ходить по лестницам, и поэтому Лоньону приходится самому покупать все необходимое. Конечно, я понимаю, что это неподходящее занятие для такого мужчины, как он. Каждый раз я...

— Что же произошло во вторник утром?

— Он отправился за покупками. Затем сказал мне, что должен зайти в комиссариат, но, скорее всего, долго там не задержится. А спать ляжет после обеда.

— Он говорил вам, каким делом сейчас занимается?

— Нет, он никогда не говорит о делах. Когда мне случается задать подобный вопрос, он отвечает, что это профессиональная тайна.

— И с тех пор он не возвращался?

— Нет, он вернулся около одиннадцати.

— В тот же день?

— Ну да, во вторник, около одиннадцати часов утра.

— Он по-прежнему нервничал?

— Не знаю, было ли это связано с нервами или с ужасным насморком, который он недавно подхватил. Я умоляла его подумать о себе. Он ответил, что займется собой чуть позже, когда будет время, а сейчас он должен снова уйти, но вернется к обеду.

— Вернулся?

— Погодите. Господи! Что за мысль пришла мне в голову! А вдруг я его больше не увижу?! А я-то осыпала его упреками, говоря, что он совершенно не переживает за свою жену и думает только о работе...

Мегрэ, смирившись с неизбежным, терпеливо ждал. Ему было неудобно сидеть на стуле и постоянно держать спину прямо, но он не решался откинуться назад, опасаясь, как бы стул под ним не развалился.

— Где-то через четверть часа после его ухода, а может, чуть раньше — словом, около часа дня, — я услышала шаги на лестнице. Я подумала, что это к жиличке с седьмого этажа, женщине, которая, между нами говоря...

— Разумеется. Значит, вы услышали шаги на лестнице...

— Они затихли на нашей площадке. Я как раз прилегла, поскольку доктор велел мне отдыхать после каждого приема пищи. В дверь постучали, но я не откликнулась. Лоньон запретил мне откликаться, если пришедшие не называют своего имени. Когда работаешь в полиции, невозможно не иметь врагов, не так ли? Я очень удивилась, когда услышала, как открылась дверь, потом раздались шаги в кори-